

4-1-2018

Marlene Laruelle. "Central Asia - Afghanistan: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives

A. Rakhimov

University of World Economy and Diplomacy

Follow this and additional works at: <https://uzjournals.edu.uz/intrel>



Part of the [International Relations Commons](#)

Recommended Citation

Rakhimov, A. (2018) "Marlene Laruelle. "Central Asia - Afghanistan: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives," *International Relations: Politics, Economics, Law*: Vol. 2018 : Iss. 1 , Article 8.
Available at: <https://uzjournals.edu.uz/intrel/vol2018/iss1/8>

This Article is brought to you for free and open access by 2030 Uzbekistan Research Online. It has been accepted for inclusion in International Relations: Politics, Economics, Law by an authorized editor of 2030 Uzbekistan Research Online. For more information, please contact brownman91@mail.ru.

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

■ Хорижий адабиётлар дайжести ■ Digest of Foreign Literature ■

А. Рахимов**Марлен Ларюэль. “Центральная Азия – Афганистан: от советского вмешательства до инициатив Шелкового пути”**

В разработанном под редакцией М.Ларюэль издании представлен углубленный анализ отношений между Центральной Азией и Афганистаном за последние несколько десятилетий. Первая часть сборника посвящена предпосылкам и наследию советской интервенции в Афганистан, роли бывших советских солдат-уроженцев центральноазиатских стран, участвовавших в советско-афганской войне. Как отмечают авторы, в 1950-х годах советская Средняя Азия и Афганистан превратились в фронтальную линию для советского режима, решившего конкурировать с США и Китаем в «третьем мире» и особенно заинтересованного в демонстрации совместимости между марксизмом-ленинизмом и исламом. Сотни афганских чиновников и студентов обучались в центральноазиатских республиках, тогда как Советский Союз масштабно инвестировал в развитие экономики Афганистана. В декабре 1979 г, когда Москва решила вмешаться в Афганистан во избежание, по ее интерпретации, краха государства и риска гражданской войны, советские солдаты из Центральной Азии были первыми, кто был отправлен на афганский фронт в составе сформированного летом 1979 г. «мусульманского батальона». Эти войска постепенно были заменены в 1980 г. регулярными войсками. В дальнейшем представители из Центральной Азии в основном работали в качестве переводчиков, которые обеспечивали важную связь между советскими военными, с одной стороны, и афган-

* Марлен Ларюэль, Университет Джорджа Вашингтона (США).

Рахимов А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований УМЭД.

А. Рахимов

скими военными и местным населением, с другой. Согласно оценке, представленной в книге, контакты с афганцами усиливали их идентификацию как советских граждан, даже если в некоторых случаях это также способствовало возрождению у уроженцев среднеазиатских республик чувства принадлежности к общей мусульманской умме.

Во втором разделе книги подробно анализируется вопрос «афганского соседства». По мнению М.Ларюэль, многим экспертам по Афганистану свойственно в региональной среде этой страны выделять Пакистан, Индию и Иран, затушевывая при этом значение для Афганистана

Сегодня региональный контекст сильно изменился: ни один из соседей Афганистана не желает вновь включаться в открытую опосредованную войну. Однако это не означает, что у соседних государств нет своих собственных стратегических программ для региона.

Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Китая. Тем не менее, исторически Северный Афганистан, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан были частью Мавераннахра, а основные династии и империи, которые появлялись в этой части мира, включали как современный Афганистан, так и большую часть нынешней Центральной Азии. Сам Афганистан, созданный в последние годы XIX в. в качестве буферного государства между Великобританией и Россией, стал объектом соперничества между СССР и США в 1950-

1980-х годах, а затем и прокси-инструментом во время гражданской войны в 1990-х годах. Сегодня региональный контекст сильно изменился: ни один из соседей Афганистана не желает вновь включаться в открытую опосредованную войну. Однако это не означает, что у соседних государств нет своих собственных стратегических программ для региона или что они не учитывают Афганистан в более широком, общерегиональном, геополитическом исчислении.

К настоящему времени все страны, окружающие Афганистан, имеют других, гораздо более важных соседей. Даже когда Кабул напрямую влияет на внутреннюю стабильность сопредельного государства, он не считается доминирующим соседом: Пакистан по-прежнему больше сосредоточен на Индии, а Таджикистан – на Узбекистане. Афганистан также находится на относительно низком уровне в повестке дня Ирана, России, Китая и Индии, занимая гораздо более низкое место среди более актуальных вопросов внешней политики. В этой связи автор указывает, что идентичность «афганского соседства» на самом деле не была драйвером региональной идентичности до вывода советских войск в 1989 г. После падения режима «Талибана» в конце 2001 г, региональный характер афганского вопроса, который считался причиной десяти-

летней драмы, был маргинализован и фактически отрицался. Преобладающее предположение состояло в том, что решение будет заключаться в интернационализации афганского вопроса. «Афганское соседство» вернулось в качестве ключевой темы лишь во второй половине 2000-х годов, когда началась подготовка к выводу международных сил НАТО. По мнению наблюдателей, это возвращение является логическим результатом как успеха, так и неудачи афганской политики США. Успеха – так как воссозданное афганское государство вновь присоединилось к своей региональной среде. Неудачи – потому, что роль региона часто рассматривалась Вашингтоном в качестве последнего средства решения проблемы из-за неспособности американской политики ликвидировать «Талибан» как политическую силу.

Во многих отношениях нынешняя повестка дня Соединенных Штатов и международного сообщества имеет мало общего с политическими реалиями в самом Афганистане. На протяжении десятилетий международное сообщество оперировало нормативным подходом в отношении преобразования страны. Напротив, соседи Афганистана не поддерживают жесткую нормативную повестку, учитывая, что они имеют долгосрочные перспективы в отношении Афганистана, в отличие от краткосрочного временного видения Запада. Западное присутствие представляется эфемерным, а геополитические доводы настаивают на «цивилизационных» основах. Для государств Центральной Азии на карту в Афганистане поставлены территориальное единство, этнический состав, роль религии и экономические перспективы. Таким образом, находясь в «афганском соседстве», им приходится жонглировать множеством временных моментов – долгосрочными, которые исходят от территориальной близости с Афганистаном, и кратковременными, навязанными международным сообществом.

Аналогичным образом соседям Афганистана приходится иметь дело с многочисленными географическими особенностями. Для каждого соседа территориальная близость к Афганистану имеет конкретные последствия. Граница Пакистана с Афганистаном вдоль линии Дюранда несет перманентную угрозу государственности ИРП, а пористая афга-

Во многих отношениях нынешняя повестка дня Соединенных Штатов и международного сообщества имеют мало общего с политическими реалиями в самом Афганистане.

Быть соседом Афганистана означает иметь возможность управлять как межгосударственными отношениями с афганским правительством, так и динамикой на местах, где Кабул может не иметь достаточных рычагов воздействия.

А. Рахимов

но-таджикская граница создает проблемы национальной безопасности Таджикистана. С другой стороны, Узбекистан разделяет с Афганистаном только 137-километровая граница, которая основательно контролируется, а Китай практически не считает отдаленный Ваханский коридор границей с Афганистаном как таковой.

Множественная территориальность означает, что соседи строят отношения с ИРА, с одной стороны, как с классическим национальным государством, а с другой – сталкиваются с конкретными специфическими проблемами касательно Афганистана: вопросы границ, трансграничные обмены, сильная региональная идентичность в противовес централизованному управлению, региональные различия по уровню социально-экономического развития. Быть соседом Афганистана означает иметь возможность управлять как межгосударственными отношениями с афганским правительством, так и динамикой на местах, где Кабул может не иметь достаточных рычагов воздействия. Данный фактор, к примеру, учитывается в политике Душанбе в отношении своей Горно-Бадахшанской автономной области. Все это делает афганскую политику соседей особенно сложной и парадоксальной, но также гибкой и подвижной. Полная «отвязка» центральноазиатских государств от Афганистана не является выходом из-за территориальной близости к ИРА, но для них появляются и более широкие возможности для прагматического компромисса с Кабулом.

В третьем разделе сборника анализируется стратегия России в отношении Афганистана и рассматривается политика «Шелкового пути» США посредством анализа ее концептуальных основ. Как отмечают авторы, собственное восприятие Москвой проблем региональной безопасности (побочные эффекты радикального ислама и незаконный оборот наркотиков) формирует прагматичную российскую политику в отношении Афганистана. Кремль постепенно перешел от помощи северным полевым командирам к поддержке центральных властей и даже открылся для контактов с талибами при условии, что безопасность и стабильность на границах Афганистана и Центральной Азии остаются гарантированными. В то же время Москва дистанцируется от прямого участия в афганских делах, сделав

Центральная Азия является относительно недооцененным соседом Афганистана.

для себя вывод, что критически серьезных угроз для безопасности России из Афганистана не исходит.

С точки зрения авторов издания, американская концепция «Шелкового пути» определяется убеждением, что экономическое развитие и политическая стабильность приходят через ускорение процесса мобиль-

ности товаров, людей и идей. Однако, по мнению авторов издания, такая политика сталкивается с трудностями в продвижении интеграционных процессов из-за закрытого характера границ между Афганистаном и центральноазиатскими странами. Проблемы с реализацией американской инициативы «Шелкового пути» также связаны с тем, что у США отсутствуют какие-либо механизмы диалога с конкурирующими проектами, выдвигаемыми другими внешними участниками, будь то китайская инициатива «Один пояс, один путь» или евразийский проект России.

В целом авторы сборника приходят к выводу, что Центральная Азия является относительно недооцененным соседом Афганистана. Зарубежная литература зачастую излагает регион в историческом и политическом контексте - как части

Центральную Азию невозможно рассматривать только через призму конфликта между великими державами. Регион является также пространством для взаимодополняющего распределения ресурсов между странами и успешного ведения переговоров между соперничающими державами по обеспечению глобальной и региональной стабильности.

торгового маршрута «Шелкового пути», сценой столкновения великих держав в «Большой игре», «конфликтогенного источника», что ограничивает научное познание центральноазиатской тематики. Кроме того, экспертное сообщество, исследующее регион, подвержено изобилию географических метафор в отношении Центральной Азии. После краха Советского Союза географические метафоры обличали Центральную Азию будто «Юга» бывшей Российской империи, «восточного полюса» американской концепции «Большого Ближнего Востока», нового «Великого Запада» Китая, «Большой Центральной Азией» в связке с Южной Азией, «Каспийского региона», отождествляемого с историческим конфликтом между Россией и Ираном, «Центральной Евразией», где пересекаются тюркская, персидская, славянская и китайская культуры. Таким образом, Центральная Азия представляет интерес в международных делах главным образом с точки зрения его географического положения через пространственные отношения с другим регионом или страной.

По мнению М.Ларюэль, подобный взгляд на регион подпитывают две основные метафоры – «Большая игра» и «Шелковый путь», которые вбирают в себя одновременно географическую и историческую особенности. Понятие «Большая игра» является обновленной версией ориенталистского взгляда эпохи XIX в., навеянного романтическим влечением к мистическому и таинственному «Востоку» и обличенного колониальными устремлениями. Этот термин относится к конфликтам инте-

А. Рахимов

ресов, возникших между царской Россией и Британская империей в Центральной Азии, Афганистане и Тибете, и он широко использовался в общественном мнении и политических кругах. В действительности речь шла не о классическом вооруженном конфликте, а о негласной борьбе, основанной на культурном и коммерческом влиянии с использованием научных знаний в качестве оружия и методов для дезинформации и дискредитации оппонента с целью распространения собственного влияния. Все эти элементы характерны и в стратегиях периода после окончания «холодной войны».

Американский эксперт аргументированно противится возрождению подобного подхода в современных центральноазиатских исследованиях. Во-первых, государства Центральной Азии не выступают в качестве заурядных объектов в конкурентной борьбе между великими державами. Они являются независимыми и устойчивыми субъектами, имеющими различные взгляды на свою геополитическую среду и способными манипулировать намерениями внешних держав в соответствии с собственной повесткой дня. Во-вторых, более не существует бинарной оппозиции между двумя крупными державами в Центральной Азии, как это было когда-то между Санкт-Петербургом и Лондоном. Напротив, в регионе присутствуют несколько акторов, что предполагает возникновение различных союзнических и соперничающих комбинаций. В-третьих, Центральную Азию невозможно рассматривать только через призму конфликта между великими державами. Регион является также пространством для взаимодополняющего распределения ресурсов между странами и успешного ведения переговоров между соперничающими державами по обеспечению глобальной и региональной стабильности.

Литература

The Central Asia–Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives. Edited by Marlene Laurelle. *Rowman & Littlefield*. 2017.